

* RECENZIE *

Монография о русской литературе 20-50 гг. XX века.

Софийское издательство «Библиотека 48» выпустило книгу *Ирины Захариевой* «Художественный синтез в русской прозе XX века (20-е - первая половина 50-х годов)». Название может вызвать впечатление, что речь пойдет о синтетическом взгляде на литературный процесс этого времени, что сегодня представляет весьма актуальную проблематику. Автор, однако, пишет о другом: о художественном синтезе как доминантном признаке творческой системы прозы первой половины XX века и о основных видах такого синтеза в прозе «романтизированной», сатирической, лирической и в многообразных его проявлениях в «авторских синкретических моделях». Причем Захариева идет путем анализа творчества отдельных писателей в рамках каждой разновидности этого синтеза: Бабеля, Олеси, Набокова, Замятина, Грина как представителей прозы романтизированной (включая фантастику), Ильфа-Петрова, Зощенко, Хармса в рамках сатиры, Пришвина, Пастернака, Бунина, Цветаевой в рамках процесса усиления субъективного начала в лирической прозе, и Белого, Ремизова, Тынянова, Платонова, Булгакова, Даниила Андреева как представителей разных «синкретических моделей». Рецензент намеренно назвал всех писателей, творчество которых подвергается в книге анализу и классификации, чтобы отметить сомнительность такой классификации на первый взгляд. Только лишь после прочтения отдельных анализов мы убеждаемся в том, что членение

разновидностей синтеза имеет свою логику. Надо, конечно, принять главный тезис о художественном синтезе как доминантном признаке прозы данного периода. Далее надо забыть, что писатель мог бы быть разными своими книгами причислен к разным типам «синтеза» (см. разницу между замаятинскими повестями *Уездное* и *Мы*, набоковскими романами *Машенька* и *Приглашение на казнь* и т. д.). Надо бы, бесспорно, забыть и о том, что о подобных типах «синтеза» можно говорить и в литературе XIX века, так что художественный синтез в понимании Захариевой не может быть назван специфическим признаком прозы первой половины XX века. Из числа «синтетических» моделей выпали такие произведения как *Города и годы* К. Федина, *Вор* Л. Леонова, *Тихий Дон* М. Шолохова, *Жизнь Клима Самгина* М. Горького, романы М. Алданова и т. д., точно как из числа предшественников разных типов «синтеза» выпал Л.Н. Толстой, несмотря на то, что на него ориентировалась немалая часть прозы XX века. В общем можно констатировать, что вместо термина «синтез» уместно было бы говорить о «художественных типах», о художественных стилях, а вместо о глобальном творчестве писателей лучше было бы говорить об отдельных их произведениях и включить их в романтический, лирический, фантастический, мифологический и сатирический тип творчества (такую систему автор предлагает в конце своей работы). Вызывает, однако, сомнение и факт, что просто реа-

листический тип не назван; автор или стоит на панреалистических позициях, или убежден, что реализм не способен на синтез. Можно заключить, что попытка обобщенной классификации видов «синтеза» хоть и не удалась, но она полезна как вызов к полемике.

Совсем другая картина возникает, если оценивать отдельные анализы творчества писателей. Их характеризует тонкость наблюдений над композиционной структурой произведений, над стилем, над взаимосвязанностью разных сочинений одного автора, над преемственностью между классикой XIX века и творчеством авторов XX века. Как и в обобщенных своих классификациях, так и в случае анализа ряда произведений одного писателя Захариева не принимает во внимание фактор хронологии (напр. у Набокова анализируется Машенька - 1926, потом Дар - 1937, Защита Лужина - 1929, Приглашение на казнь - 1935) и фактор полного охвата творчества писателя (напр. у Набокова остаются в стороне другие русскоязычные романы). Такой способ выбора материала для анализа грозит потерей эволюционного фактора, но дает возможность концентрации на типологических проблемах. Писатель, таким образом, предстает перед нами в своем существенном облике (по классификации литературоведа), но теряется его многоцветность и, конеч-

но, развитие (напр. совсем обходится экспрессионистское творчество дореволюционного Грина). Оригинальный выбор анализируемых произведений нередко дает автору возможность своей личной оценки книг, которые не считаются самыми типичными сочинениями данного писателя: анализ Булгакова, напр., начинается с тонкого анализа романа о Мольере, тщательно анализируется проза Цветаевой (ей посвящено больше страниц чем Бунину) и т. п. Оригинальные наблюдения мы найдем в анализах творчества Хармса, Розы Мира Д. Андреева, набоковского Дара и т. д. Во всех главах работы И. Захариевой чувствуется хорошее знание критической литературы о предмете анализа. Сноски, примечания и список литературы занимают 50 страниц публикации (сам текст работы - 200 страниц). Широта охвата материала удивительна в столь сжатом тексте.

Несмотря на свои критические замечания я должен отметить, что Захариева включилась в немногочисленные ряды литературоведов, размышляющих об общих и широких проблемах русской литературы на основе предыдущих бесчисленных аналитических - опубликованных и неопубликованных - работ. Пока еще именно анализы - сильнейшая сторона ее исканий, но путь к обобщениям открыт.

Мирослав Заградка

Balkanologie: kontinuita a inovace

Studia balcanica bohemo-slovaca IV (Příspěvky přednesené na IV. balkanistickém sympoziu v Brně ve dnech 25. a 26. května 1994). Redigoval prof. dr. Ivan Dorovský, DrSc. Masarykova univerzita v Brně 1995.

Balkanistika na Filozofické fakultě Masarykovy univerzity se rozvíjí de facto od 20. let, zejména v osobnosti Franka Wollmana, který problematice slovanského jihu věnoval nejednu stat'. I když se balkánská studia

(nikoli jen slavistická) nevyvíjejí nijak extenzivně co do počtu pracovníků a studentů, vědecká produkce oboru je vskutku impozantní. V roce 1966 byl na Filozofické fakultě zřízen Kabinet balkanistiky a hungaris-